

Муж Антонида превратился в пса. В крупного, хорошего пса непонятной породы. Произошло это постепенно. По какой причине—Антонида не знает: может, вирус какой подхватил, два года болтаясь вдали от семьи, а может, думает она иногда с обидой, без всякого вируса, по собственному желанию. Потому как ни разу не видела Антонида, чтобы мелкие—поначалу—изменения, которые замечали оба, его огорчали или хотя бы удивляли. Он казался даже довольным, обнаруживая новые собачьи признаки на собственном теле.

А началось всё с запаха. Вернее, с его пропажи.

Антонида собирала рубахи Алексея в стирку. И по женской слабости, а скорее—по старой памяти, ведь женской слабости к мужу у Антонида к тому времени уже не осталось, прижала их к лицу и вдохнула запах. Вот тут-то и обнаружились, что прежнего, родного духа от них не исходило—рубашки резко и явственно пахли псиной. Большого значения этому Антонида сначала не придавала и, может, вскоре забыла бы об этом, если бы не событие, последовавшее аккуратно в тот вечер, когда выстиранные «Тайдом» с лимонным запахом рубахи она тщательно выгладила и повесила в шкаф на плечики—по две рубашки на каждое.

Закончив работу, она вошла в большую комнату, где последнее время спал на диване муж. Алексей смотрел телевизор, но на приход жены отреагировал, протянув к ней обе руки. Антонида легонько погладила его и присела на диван. Алексей с готовностью подвинулся и тут же, зевнув, потянулся во весь свой огромный рост. Одежда не хватало, и одна нога выпросталась наружу. Ладно бы нога, а была это не нога, а собачья лапа. Рыжеватая на вид, с крупными растопыренными когтями...

Антонида, вскочив, оторопело глядела на неё, а после перевела взгляд на мужнино лицо. Он тоже смотрел на лапу, и, похоже, она занимала его больше, чем донельзя удивлённая Антонида. Потом, как бы с сожалением, втянул лохматую под одеяло и через секунду снова выпростал, но уже не лапу, а свою вполне человеческую ногу.

—Фу ты, причудится же такое!—облегчённо выдохнула Антонида и снова посмотрела на лицо Алексея.

Он как ни в чём не бывало смотрел на экран. «Куда ж это мне мозги-то повело?—подумала Антонида.—С чего мне всё это приблизилось?» Антонида устыдилась собственных галлюцинаций в отношении мужа и почувствовала себя виноватой перед ним.

—Алёша, можно я побуду с тобой?—жалобно сказала и обняла мужа.

Тот заулыбался, глянул в глаза Антониде ласково и преданно. Она положила голову на плечо Алексея и вдруг услышала упругие дробные удары в мягкую спинку дивана. Скосив глаза, увидела: крупный собачий хвост в лёгкую загогулину колотит, как бы от радости, по обивке дивана, и на ней остаются рыжеватые шерстинки. «Линяет...»—последнее, что подумала Антонида и хлопнулась в обморок.

Сначала Антонида пыталась разговаривать с Алексеем, надеясь остановить процесс.

—Я всегда изнутри был псом,—сообщил муж.

—Как это псом? Я же влюбилась в тебя, замуж пошла, детей тебе родила! Никакого пса ты даже отдалённо не напоминал.

—Ну да,—ухмыльнулся Алексей,—я же старался тебе понравиться, на задних лапах перед тобой ходил.

—А почему же теперь не ходишь?—всхлипнула Антонида.

—Ну нельзя же всю жизнь на задних лапах проходить. Ты вот попробуй всю жизнь—на цыпочках...

На такой резон Антониде и не возразить было.

Дальнейшие разговоры на эту тему муж обрывал лаем. Как только заговорит Антонида об этом, Алексей—в лай. А потом стал лаять и по другим поводам.

Совсем прохудилась на веранде крыша. Антонида купила рубероид, Алексей покрыл половину крыши и забросил дело. Как только она напомнила ему о приближающихся вместе с осенью дождях—начинал лаять. При этом у него то уши собачьи прорастали ненадолго, то нос покрывался шерстью, а то и вся голова превращалась в псиную. Антонида пугалась и отступалась от него. Что делать с крышей, никак придумать не могла. Не просить же соседа чинить—при живом-то хозяине? В округе все знали Алексея как мужика

с золотыми руками и большой силой. У всех на виду Алексей когда-то один этот дом из разрухи поднял: и фундамент под него подвёл, и крышу сменил, и веранду пристроил, и много ещё чего. Соседи, кажется, ещё не догадывались, что происходит с Алексеем.

Антонида весь этот ужас переживала вдвойне. Десятилетний Колька был свидетелем отцовских превращений, и хотя его-то малолетство хранило от глубокого переживания происходящего, Антониду, как мать, не спасало ничто.

Она шла на работу. Сначала на одну, потом на другую — помимо основной, подрабатывала мытьём полов в двух магазинах и в подъезде жилого дома. Весь день, таская с собой Кольку за руку, она чувствовала, что думает с ним об одном.

— Вообще-то, мам, я всегда мечтал о собаке. Как думаешь, папа когда-нибудь превратится в собаку насовсем? — высказался однажды Колька.

Антонида не сдержалась и заплакала.

«Насовсем» Алексей превращался в собаку довольно часто и собакой нравился ей больше, чем человеком. В собачьей ипостаси мужа проглядывала его бывшая человеческая сдержанность и дружелюбие. В человеческом же обличье и при частичных превращениях Алексей стал невыносим. Он чесался задней ногой, не снимая ботинка, добивался, чтобы вылизанные им тарелки и сковородки считались вымытыми, за стол с нею и Колькой садиться перестал, а издали, неотрывно и преданно глядя на людей, дожидался, когда Антонида поставит еду перед ним на пол. Колька порой забавлялся: служи! И Алексей, подмигивая сыну человеческим глазом, выхватывал подачку. Антонида впадала в истерику, Алексей начинал злобно рычать и скалить уже вполне собачьи клыки — он не выносил отрицательной эмоциональной реакции на своё поведение. А собакой ластился, лизал руки... Но однажды попытался обнюхать Антониду под подолом.

— Прочь, прочь, пошёл вон!.. — закричала она не своим голосом, и пёс, поджав хвост, проворно выскользнул за калитку.

Любопытно, что задвижку открыл быстро, вполне по-человечьи — передними лапами, встав на задние.

Быть женой полупса-получеловека невольно. Антонида тосковала и однажды излила тоску соседке Алле, рассказав всё. Алла была супругой бизнесмена. Новенький дом их горделиво возвышался среди других, выросши, как гриб, за одно лето. Мужики-соседи проходили мимо, отвернувшись, потому как у себя дома отбивались

от жён, ставивших им мужа Аллы в пример. Доказывали жёнам: никакой работой денег таких не заработаешь — только воровством. Зато женщины относились к новой соседской паре уважительно-подобострастно, сразу признав за ней первенство над всей улицей. И шли к Алле с любой нуждой — позвонить, денег занять, помочь похлопотать о чём-то, просили советов. Алла соседок привлекала: ведь никакие железные решётки на окнах не спасут от грабителей, а вот хорошее отношение соседей ввиду такой опасности — дело совсем не лишнее.

Рассказ Антонида близился к концу, когда зашла Нина — позвонить с Аллиного телефона. А Антонида остановиться не сумела, досказала свою историю при ней. И если глаза Аллы по мере рассказа становились всё более удивлёнными и испуганными, то Нина как будто не нашла в нём ничего удивительного.

— Ну и чего ты ревишь-то? — строго сказала Антониде Нина. — Эко дело — пёс! Солидное существо, дом охранять станет. У меня вона пятый год Васька пятак да хвост закорючкой отращиват, копыты опять же. Да ишо хрюкат, как по пятаку-то хлопну газеткой или чем попало. Совсем превратится — куды его? На мясо, что ль? Никак нельзя, двою робят у нас, внуки.

— Женщины, вы с ума сошли или разыгрываете меня?! — почти взвизгнула Алла. — Идите с Богом. Думать надо было, за кого замуж выходите и от кого детей рожаете! И вообще, всё это бред, бред! — Дак вовсе не бред, Аль, — сказала Нина. — От винища всё. Сперва пьют-пьют, а под конец така мутация и выходит с имя. Ницё не понимают, ницё не делают, обыкновенный алкоголизм. Только раньше не превращались, а теперь превращаются. Вона, смотри, спида раньше тоже не было, а ноне есть. Мало ли какого сраму нанесло? И это тож...

Алла меж тем уже поднялась с дивана, совладав с собой. Вежливо выпроваживая женщин, вышла с ними на крыльцо. Глаза её вдруг округлились, она смотрела в направлении дома Антонида. У калитки стоял Алексей и, глядя на пробежавшую мимо собаку, преображался на глазах: встал на четвереньки, оброс шерстью, хвостом, завилал им и весело побежал за собакой...

— Ну вот и отдохнёшь от его теперь, — заявила Нина Антониде. — Он за сучкой-то далеко убежит — может, с неделю его не будет, может, доле. Ты пока будку спворь, он, может, больше в человечье обличье и не придёт, я об таком слыхала. Лучше б и не вертался, опосля того тебе с ним ишо хуже будет. Мне Ваську-то кастрировать пришлось, как он к соседской хрюшке в сарай зашёл... А твой не дастся — эко пёс какой громадный!..

1. Ревись — костромской диалект.